

УДК 94(47)"9/12"

DOI 10.31654/2520-6966-2018-10i-92-20-36

П. И. Гайденко

доктор исторических наук, председатель редакционного совета журнала
"Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях"

Миротворчество епископата во внутрикняжеских и политических конфликтах Руси: христианское примирение сторон или отстаивание интересов?

Участие древнерусских архиереев в различных межкняжеских и внутригородских конфликтах неоднократно привлекало внимание исследователей. Однако при этом деятельность и усилия древнерусских архиереев идеализировались. Причины этого можно найти в неоправданном обобщении немногочисленных сообщений источников об участии архипастырей в примирении конфликтующих сторон. В представленной статье предпринята попытка понять причины крайне редкого упоминания источников о привлечении епископата к переговорам между противоборствующими сторонами.

Ключевые слова: Киевская Русь, Домонгольская Русь, Древняя Русь, церковно-государственные отношения, древнерусский епископат, миротворчество древнерусского епископата, межкняжеские конфликты, городские восстания в Киевской Руси.

Интерес российских историков к миротворческой деятельности русской православной церкви не нов и уже сегодня имеет обширную историографию. Этой стороне жизни православной иерархии посвящено несколько диссертационных исследований¹ и сопутствующих им публикаций, а тема участия церкви в преодолении конфликтов уже давно стала одной из ключевых на различного рода конференциях и форумах, приобретая черты явной идейной спекуляции. Что же

¹ Главным образом, это диссертации, связанные с изучением миротворческой деятельности Русской православной церкви в середине и во второй половине XX в.: Церпицкая О. Л. Международная деятельность Русской Православной Церкви в контексте внешней политики Российской Федерации в условиях глобализации: дисс. ... к. полит. н. Санкт-Петербург, 2003. 198 с.; Шкуратова И. В. Советское государство и внешнеполитическая деятельность Русской православной церкви: 1945–1961 гг.: дисс. ... к. и. н. Москва, 2005. 188 с.; Касаткин П. И. Роль Русской православной церкви в современных мировых политических процессах: дисс. ... к. полит. н. Москва, 2010. 190 с. и др.

касається древнейшого періода церковної історії, то вопрос о вовлечении древнерусского епископата в межкняжеские и иные политические конфликты в домонгольской Руси неоднократно с большей или меньшей тщательностью рассматривался в трудах исследователей. Если не подробно и исчерпывающе, то достаточно системно и наиболее последовательно и обстоятельно данная проблема была обозначена и раскрыта в двух работах: в небольшой монографии Ф. А. Терновского "Участие древле-русских архиереев в делах общественных: В период удельно-вечевой"¹, а также в обширной статье Б. М. Клосса в большом тематическом сборнике Института российской истории РАН "Миротворчество в России: Церковь, политики, мыслители. От раннего средневековья до рубежа XIX–XX столетий"². Данное обстоятельство не означает, что историография вопроса должна быть ограничена исключительно узким кругом отмеченных исследований. В действительности, тема миротворческих усилий монахов, священников и архиереев Древней Руси затрагивалась в значительном числе научных работ. Не обходили стороной данную тему ни гражданские, ни церковные историки, неоднократно обращавшиеся как к отдельным сюжетам прошлого, связанным к пастырским трудам по примирению враждовавших политических сторон, так и к более широким процессам, на основании которых выносились ставшие на сегодня традиционными суждения об усилиях пастырей и архипастырей на поприще служения делу установления мира³.

Необходимо признать, что, с точки зрения подавляющего большинства исследователей, участие древнерусских иерархов в умиротворении политических конфликтов оценивается, безусловно, положительно. Такое отношение к этим фрагментам прошлого характерно как для дореволюционных работ, так и работ последующих эпох. Примечательно, что даже в советский период отечественной историографии, крайне критично настроенной в отношении церкви, кажется, только эта сторона церковной действительности продолжала рассматриваться положительно, а традиционные оценки в отношении миротворческих усилий древнерусских иерархов не подвергались пересмотру. Между тем, при рассмотрении этой идилической

¹ Терновский Ф. А. Участие древле-русских архиереев в делах общественных: В период удельно-вечевой. Киев, 1870. 38 с.

² Клосс Б. М. Миротворческая роль церкви в XI – начале XV вв. (на материале летописей и житий святых). *Миротворчество в России: Церковь, политики, мыслители. От раннего средневековья до рубежа XIX–XX столетий* / ИРИ РАН; отв. ред. Е. Л. Рудницкая. Москва, 2003. С. 28–38.

³ Данный взгляд присутствует в работах митр. Макария (Булгакова), А. П. Доброклонского и др.

картины в деле участия церкви в деле устройства мира возникают вопросы, которые, с одной стороны, еще не озвучивались в научной дискуссии, с другой, – как это видится, уже своей артикуляцией позволяют лучше понять и по иному оценить как сами конфликты, так и участвующие в них стороны, включая посредников, которыми выступали сами церковные иерархи.

Число вопросов, которые должны быть заданы к сообщениям источников, может оказаться значительным. В рамках представленного очерка целесообразно ограничиться лишь несколькими из таковых. Например, чем можно объяснить привлечение духовенства к примирению сторон? Какие можно найти объяснения тому, что принимая участие в одних конфликтах, древнерусское духовенство практически никак не проявляло себя в других политических столкновениях? Насколько искренним и бескорыстным было участие архиереев в подобных акциях примирения и в чьих интересах это примирение осуществлялось? Как часто епископат вовлекался в конфликты, и насколько это было систематическим явлением? Уже этот небольшой перечень возникающих вопросов вполне наглядно демонстрирует неоднозначность и сложность затрагиваемой проблемы.

* * * * *

Затрагивая вопрос церковного участия в деле примирения враждующих сторон, необходимо заметить, что отношение восточно-христианской церкви к конфликтам и к участию в них христиан видится неоднозначным и едва ли может быть сведено к какой-то одной определённой оценке. Не вносит однозначности в поиск ответов и Евангелие. Так, Иоанн Креститель не осуждал воинской службы, хотя и обращал внимание приходивших к нему воинов на соблюдение ими минимальных этических норм¹. Что же касается Христа, то если в Нагорной проповеди, обращаясь к своим ученикам, он благословлял миротворцев², а в час своего ареста запретил апостолу Петру поднимать оружие на воинов и пришедших с ними людей³, то в ином месте Иисус прямо говорит о том, что его миссия связана с неминуемым разделением между его последователями и

¹ "Спрашивали его также и воины: а нам что делать? И сказал им: никого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своим жалованьем" [Лк. 3: 14].

² "Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими" [Мф. 5: 9].

³ "И вот, один из бывших с Иисусом, простерши руку, извлек меч свой и, ударив раба первосвященникова, отсек ему ухо. Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут" [Мф. 26: 51–52].

остальным миром¹. Столь же специфичным видится святоотеческое отношение к войне и воинской службе. Например, святитель Афанасий Великий в "Послании к монаху Амуну" высказывался так: "Ибо и касательно всего прочего, что бывает в жизни, найдем в известном отношении разности, например: убивать непозволено, но истреблять неприятелей на войне и законно, и достойно похвалы, почему, отличившиеся во бранях удостоиваются великих почестей, и им воздвигаются памятники, возвещающие об их заслугах. Так, одно и тоже в известном отношении и не во время непозволительно, а в другом отношении и благовременно не воспрещается, и дозволяется"². С уверенностью можно констатировать, что отношение Евангелия, церковной иерархии и христианского сообщества к войне и кровопролитию зависело от множества обстоятельств и постоянно эволюционировало, обладая внутренней двойственностью и противоречивостью³. Более того, по мере кристаллизации церковных институтов на Западе и на Востоке Римской империи, а также в пределах наследовавших её территории и культуру государств и народов, христианство на долгие столетия отошло от идей, характерных для его наиболее раннего периода, т. е. от воззрений, которые сегодня можно квалифицировать как пацифизм⁴. В равной мере это можно

¹ "Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч" [Мф. 10: 34].

² Афанасий Великий, свт. Послание к монаху Амуну. *Афанасий Великий, свт. Творения*: в 4 т. / пер., вступ. ст. А. В. Горского. Москва, 1994. Т. 3. С. 369.

³ См. подробнее: Plaster David R. The Christian and war: a matter of personal conscience. *Grace Theological Journal*. 1985. № 6.2. P. 435–455.

⁴ Откровенное неприятие не только войны, но и воинской службы как можно встретить в раннем христианстве, а именно работах Марка Минуция Феликса († ок. 210), Ипполита Римского (ок. 170–235) и Тертуллиана (155/165–220/240), мнение которого об армии и воинской службе во многом опирались на взгляды Минуция (Минуций Феликс. Октавий. URL: http://apologia.narod.ru/earlyfat/fath/apol/felix_2.htm, (дата обращения 07.10.2018; Ипполит Римский, сщмч. О Христе и антихристе. URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/678>, свободный Проверено 07.10.2018; Ипполит Римский, сщмч. Апостольское предание. Москва, 2014. С. 20; Тертуллиан Квинт. О венце воина / пер. и коммент. Р. Ю. Ткаченко. *Альманах "Богомыслие"*. 2014. Вып. 15. С. 189–209; Гололоб Г. А. Пацифизм Тертуллиана – исключение или традиция? URL: <https://christianpacifism.org/2014/12/24/%D0%BF%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%84%D0%B8%D0%B7%D0%BC-%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%82%D1%83%D0%BB%D0%BB%D0%B8%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%BB%D1%8E%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%B8%D0%BB%D0%B8-3/>, (дата обращения 07.10.2018); Пантелеев А. Д. Христиане и римская армия во второй половине

отнести и к церковной иерархии Древней Руси. Известный сюжет о пришедших к князю Владимиру епископах, потребовавших от крестителя Руси смертных наказаний и расправы над преступниками, вполне наглядно демонстрирует, что для прибывших на Русь византийцев, введение византийских норм, предполагавших пролитие крови разбойников, не вступало в противоречие с нормами христианского милосердия. Подобная неоднозначность прослеживается и в политической практике церковного миротворчества.

Привлечение древнерусского епископата и в том числе митрополитов к посредничеству в период княжеских и иных политических конфликтов, с одной стороны, видится совершенно обоснованным и логичным шагом. С другой стороны, едва ли было эффективным. При оценке деятельности архиереев необходимо принимать во внимание их крайнюю экономическую и социальную зависимость от городской знати или княжеской власти¹. Поэтому участие в переговорном процессе святителей, как лиц, заинтересованных, а поэтому лишённых полноценной возможности занимать нейтральную позицию, едва ли могло устраивать все стороны, включая самих иерархов. Сомнительно, чтобы миротворческие усилия такой слабой стороны могло иметь большой успех, и данное обстоятельство, кажется, хорошо осознавалось и представителями княжеского рода, и в кругу городского нобилитета. Отмеченное положение дел отчетливо и наглядно

III в. Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2012. № 11. С. 329–350). Что же касается более позднего христианства, то оно не только не отвергало войну, но и допускало месть врагам, что в целом было противно духу первых поколений последователей Спасителя (см. подробнее: Cadoux John Cecil. *The Early Christian Attitude to War: A Contribution to the History of Christian Ethics, with a Foreword by the Rev. W.E. Orchard, D.D.* London, 1919. Pp. XXXII, 274; Palmer Harold. *Christian pacifism and just war theory. Discipleship and the Ethics of War, Violence and the Use of Force.* Chicago, 2016. P. 17–20).

¹ Судя по всем на протяжении всего домонгольского периода высшая церковная иерархия испытывала крайнюю зависимость от внешних донаторов (Гайденко П. И. Были ли епископат и духовенство Киевской Руси феодалами? *Православие в судьбе Урала и России: история и современность.* материалы всероссийской научно-практической конференции. (г. Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г.) / отв. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург, 2010. С. 85–89; Гайденко П. И. Священная иерархия Древней Руси (XI–XIII вв.): Зарисовки власти и повседневности. Москва, 2014. С. 17–28). Изменение ситуации произошло только в период монгольского господства (Галимов Т. Р. Место киевского митрополита в церковно-ордынских отношениях: 1237–1281 гг.: дисс. ... к. и. н. Ижевск, 2017. С. 131–176).

прослеживается в целом ряде политических событий, в которых так или иначе было отмечено участие архиереев.

В большинстве конфликтов архипастыри не только не занимали нейтральной позиции, но и выступали на одной из враждующих сторон. Примечательно, что впервые и, судя по всему, вопреки своей воле древнерусский архиерей был привлечён к ведению переговоров в период политического противостояния только в 1097 г., т.е. более чем через столетие после крещения Руси, в период продолжительного и крайне острого внутрдинастического конфликта, вспыхнувшего внутри княжеского рода после ослепления теребовльского князя Василька¹. В 1197 г. дружины Владимира Мономаха подошли к Киеву. Накал конфликта был настолько горяч, а решимость правителя Переяславля и его черниговских союзников призвать виновников злодеяния к ответу так непоколебима, что киевский князь Святополк Изяславич намеревался бежать из столицы, а горожане отправили к Владимиру посольство в составе мачехи Владимира и митрополита Николая². Примечательно, что, переговорщики выступали не с позиции третьей стороны, а в качестве представителей города, принёсших Владимиру послание горожан, укорявших сына Всеволода в обострении мекняжеского противостояния³. При том, что знатные послы в полной мере выполнили возложенную на них миссию, по мнению летописца, составителя данной записи, главная заслуга в умирении гнева Владимира Всеволодовича принадлежала, всё же не русскому первосвятителю, а Анне, вдове князя Всеволода⁴. Отмеченное в летописании подчёркнутое почтение

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 257–262; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 231–236.

² "С[вя]тополкъ же хотяше побегнути ис Києва и не даша ему Кияне побегнути. но послаша Оусеволожую. и митрополита Николу. къ Володимеру" (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 263; Т. 2. Стб. 237).

³ "молимся. княже тебе и братома твоима. не мозете погубити Русьскои земле. аще бо возьмь рать межю собою. погани имуть радоватися. и возьмуть землю нашу. юже беша стяжали ваши деди. и отци ваши. трудомъ великимъ и хоробороствомъ побаряюще по Русьскои земли. а ины земли приискаху. а вы хочете погубити Русьскую землю" (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 263–264; Т. 2. Стб. 237–238).

⁴ "и приклонися на молбу княгинину. чтяшьеть ю акы м[а]т[е]рь отца ради своего бе бл любим отцю своему повелику. и в животе и по см[е]рти не ослушася его ни в чемже. темже и послуша ея акы м[а]т[е]ре и митрополита такоже чтяше санъ с[вя]т[и]т[е]льскыи. [и] не преслуша молбы его" (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 263; Т. 2. Стб. 238). Весьма примечательно, что об итогах переговоров с Владимиром Мономаха киевлянам сообщила вдовствующая княгиня, а не митрополит: "Княгини же бывши оу Володимера, приде Киеву,

Владимира Всеволодовича к митрополиту, скорее всего, является вставкой, призванной отметить в князе его истинно императорскую добродетель. Преамбула к 6 новелле Юстиниана прямо указывает на обязанность императора оказывать почтение святителям (иереям): "По этому (τοίνυν) мы усерднейшим образом печемся как о догматах божественной истины, так и о почете иереев, при наличии и вследствие которого, мы уверены, нам будут дарованы от Бога великие блага – причем те из них, которые уже имеются, мы сохраним в целости, а те, что мы до сих пор не получили, при обретем. Но все это может совершиться по-доброму и подобающим образом толь ко если делу будет положено достойное и богоугодное начало"¹. Поэтому летописный пассаж о почтительном отношении князя к русскому первосвятителю, епископам и монахам был призван восславить не усилия Николая, а добродетели князя, как истинного отпрыска императоров Византии. Тем не менее, участие митрополита Николая в переговорах стало прецедентом. И уже через год, русский первосвятитель, судя по всему, уже вступился за арестованного и приведённого в Киев оковах Ярослава Ярополчича: "и привеле и до Киева. и молися о немъ митрополить и игумени оумалиша С[вя]тополка. оузаводиша и оу раку с[вя]тою Бориса и Глеба и сняша с него оковы и пустиша и"². В этом видимом успехе митрополита Николая прослеживаются три обстоятельства, нуждающиеся в комментарии.

Прежде всего, обращает на себя внимание то, что митрополит действовал не сам, а совместно с игуменами монастырей. Примечательно, что в истории ослепления князя Васильска Теревольского за арестованного князя к Святополку также первоначально являлись игумены³, в то время, как митрополит в тот час никак не проявил себя в судьбе несчастного теревольского князя. При этом составитель записи, судя по всему, поп Василий, особо обратил внимание на то, что настоятели киевских монастырей обратились к Святополку о снисхождении к арестованному Васильку без промедлений, как

и поведи вся речи С[вя]тополку [и Кияном яко миръ будет, в наша межи собою моуже слати и оумириша на семь, яко реша С[вя]тополку]" (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 264; Т. 2. Стб. 238).

¹ Максимович К. А. Церковные новеллы св. императора Юстиниана I (527–565 гг.) в современном русском переводе: Из опыта работы над проектом. *Вестник ПСТГУ*. Серия I: Богословие. Философия. 2007. Вып. 17. С. 31.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 250.

³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 234.

только "уведеша" о произошедшем. Таким образом, возникает вопрос: кто был 1101 г. инициатором прихода митрополита к Святополку Изяславичу? Сам первосвященник? Или же он действовал в интересах и по просьбе игуменов? Если принять во внимание, что в описываемый период игумены ктиторских обителей фактически представляли и защищали интересы своих патронов в Киеве, а территории княжеских монастырей обладали экстерриториальностью¹, которая впервые была нарушена только во время погрома 1146 г.², исключать того, что вмешательство митрополита Николая в судьбу Ярослава Ярополчича было обусловлено требованиями или просьбами игуменов столичных монастырей никак нельзя.

Нельзя исключать того, что участие митрополита стало своего рода гарантией успеха церковной делегации. Благоприятный исход посольства был во многом предreshён тем, что Святополк в определённой мере оставался обязанным киевскому митрополиту, как второму лицу переговоров 1097 г. (с Владимиром Мономахом).

Не менее важными видятся обстоятельства освобождения Ярослава Ярополчича. Снятие возложенных на князя оков произошло не в княжеском дворе, а в храме, у мощей Бориса и Глеба. Шаг, несомненно, символический и дерзновенный, поскольку напоминал княжеской власти в лице Святополка и Ярослава о правах церкви, а также о святости храма, как места убежища. В результате акт освобождения, совершавшегося у мощей страстотерпцев, приобрёл множество глубоких христианско-политических смыслов. Остаётся догадываться, кто был инициатором организованного действия. Но, несомненно то, что автор задуманного прекрасно осознавал символическую сторону спланированного акта, напоминавшего Святополку о его братстве с другими представителями рода, а другим князьям об их долге братского послушания великому князю.

В результате, пример "миротворчества" митрополита Николая видится неоднозначным. Такими же двойственными представляются и его поступки. Однако подобная двойственность характерна для летописных образов и иных архиереев. Принимая во внимание обширность и масштабность межкняжеских и городских конфликтов, захлестнувших Русь, было бы естественным ожидать, что столь же

¹ Гайдено П. И., Москалёва Л. А., Фомина Т. Ю. Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. Москва: Университетская книга, 2013. С. 32, 51–52, 72; Гайдено П. И., Фомина Т. Ю. О правовом положении церковной собственности в домонгольской Руси (историко-правовые этюды). *Клио*. 2011. № 4. С. 38–42.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 327–328.

масштабными должны были стать и усилия архипастырей. Однако этого не наблюдается, а в ряде случаев архиереи открыто занимали позицию одной из конфликтующих сторон.

В 1146 г., во время обострения очередного межкняжеского конфликта, вызванного новым перераспределением столов в землях вокруг Киева, туровский епископ Иоаким, поддержал права на Туров князя Вячеслава, который в свою очередь расширил границы туровской земли, вернув в её состав несколько отобранных от неё прежде городов. Однако уже вскоре Ростислав изгнал Вячеслава, а его сторонников, туровских посадников и местного епископа Иоакима "исковав приведе" на княжеских суд Изяслава в Киев¹. Столь же сложной рисуется ситуация в отношении митрополита Климента Смолятича, который оставался верен Изяславу и его семейству, не признав и не благословив княжения ни одного из соперников Изяслава Мстиславича. Не менее примечателен пример черниговского епископа Антония-грека (1158–1166) во время внутрисемейного княжеского спора черниговской ветви Рюриковичей за обладание Черниговом после смерти Святослава Ольговича (†1164). Архиерей не только дал крестоцеловальную клятву верности вдове и сыну покойного князя, но и уже вскоре нарушил таковую, тайно призвав на черниговский стол Святослава Всеволодовича, племянника покойного князя, чем едва ли не спровоцировал войну между двоюродными братьями². Едва ли были способны к каким-либо самостоятельным действиям в период городских конфликтов новгородские архиепископы второй половины XII – первой трети XIII вв.: Арсения, Митрофана и Антония (Добрыни Ядрейковича). Все они были заложниками стоявших за ними новгородских боярских и купеческих партий³.

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 314; Т. 2. Стб. 330; Гайденок П. И. Священная иерархия Древней Руси: (XI–XIII вв.): Зарисовки власти и повседневности... С. 100, 131–133; Фомина Т. Ю. Туровская епископия: этапы становления и развития (XI–XIII вв.). *Христианское чтение*. 2018. № 2. С. 245–246.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 522–524.

³ О боярских и церковных конфликтах см. подробнее: Петров А. В. От язычества к святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечаевого уклада). Санкт-Петербург, 2003. С. 133–209; Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. Москва, 2008. С. 57–116; Фомина Т. Ю., Заляева Г. Ш. К вопросу о периодизации истории новгородской епископии (до начала XIII в.). *Церковь. Богословие. История: материалы III Международной научно-богословской конференции, посвященной 130-летию Екатеринбургской епархии и памяти Собора новомучеников и исповедников Церкви Русской / Екатеринбургская митрополия, Екатеринбургская духовная семинария, Миссионерский институт, Уральский федеральный университет*

Летописание донесло не так много примеров участия архиереев в преодолении крупных политических конфликтов. В 1134 г. в Новгород для удержания новгородцев от войны с ростовскими и суздальскими князьями отправился митрополит Михаил. Скорее всего, инициатором этого продолжительного и беспрецедентного путешествия стали епископ Нифонт¹ и Ярополк Владимирович, желавший не допустить столкновения своих родственников, сидевших в Новгороде и Суздале. При том, что это путешествие предстоятеля русской митрополии было первым в своём роде, достичь желаемого примирения русскому первоиерарху не удалось. Новгородцы отказались слушать митрополита даже тогда, когда Михаил наложил на город интердикт. К тому же, не смотря на высокий статус и призывы отказаться от войны, первосвятитель подвергся в городе "удержанию", т.е. своего рода почетному аресту, и был отпущен только после того, как поход завершился².

Однако уже через год, в самом начале 1136 г. митрополит Михаил сумел примирить и привести к кресту Ольговичей и Мономахичей³. Успех Михаила во многом был обеспечен участием еп. Нифонта, специально прибывшего для этого из Новгорода в Киев: "На зиму иде в Русь архиепископъ Нифонтъ с лучшими моужи и заста Кияны и с Черніговци стояще противу себе, и Божию волею смришася"⁴. Однако в 1138 г. условиях обострения межкняжеских противоречий митрополиту Михаилу вновь пришлось примирять враждующих Ольговичей и Мономахичей⁵. Последнее летописное упоминание о миротворческих усилиях Нифонта стали известия о 1148 г. об участии Нифонта в малоуспешных переговорах с Суздальцами. Примирить новгородцев и их соседей архиепископу так и не удалось. Однако Нифонт добился главного – укрепления

имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Институт гуманитарных наук и искусств, Лаборатория археографических исследований. Екатеринбург: Изд-во ЕДС, 2015. С. 611–618.

¹ Печников М. В. Новгородский свт. Нифонт, княжеская власть и Киевская митрополия (30–50-е гг. XII в.). *Вестник церковной истории*. 2017. № 3/4 (47/48). С. 242–243.

² ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 145–146; Т. 9. С. 158–159; Терновский Ф. А. Участие древле-русских архиереев в делах общественных (В период удельно-вечевой)... С. 9–10; Цветков С. Э. Древняя Русь: Эпоха междоусобиц. 1054–1212. Москва, 2009. С. 228–230.

³ "в 12. генваря. и целовавше хрестъ. межу собою. ходячю ме ими ч[е]стьному Михаилу. митрополиту. со гр[е]с[т]омъ" (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 299).

⁴ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 146.

⁵ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 149.

отношений с Юрием Владимировичем Долгоруким и освобождения пленных новгородских купцов¹.

Не менее примечательным видится ещё один пример святительского участия в усмирении городской толпы, отмеченный под 1147 г.: напрасная попытка Климента Смолятича и горстки защитников остановить убийство князя-инока Игоря. Однако слова первосвятителя не подействовали, и над князем была совершена жестокая и бессмысленная расправа².

Впрочем, любой разговор о вовлечении митрополитов в процессы примирения князей не будет полным без принятия во внимание цикла текстов, прежде всего, святительских назидательных поучений и посланий к князьям и к знати о снисхождении к своим политическим оппонентам. Наиболее рельефно подобные темы звучат в эпистолиях митрополита Никифора, обращавшегося к Владимиру Мономаху³. К ним примыкают поучения епископа Кирилла Туровского. Желая предотвратить церковно-политический раскол или раздел киевской митрополии, обращался к Андрею Боголюбскому, "хромцу", и епископу Феодору, "слепцу"⁴, и прибегая к аллегориям, созданным на основе богатой восточно-христианской литературы⁵. Тем не менее, едва ли эти эпистолии и назидания рассматривать в качестве однозначных и, что не менее важно, успешных примеров святительского участия в примирении конфликтующих сторон. В большинстве случаев не известны последствия этих обращений и главное, не известно, были ли эти последствия "положительными", то есть приводили стороны к примирению. Более того, история Андрея Боголюбского и епископа Феодорца показывает, что обличения и научения еп. Кирилла

¹ "Ходи архиепископ Нифонтъ к Соуждалю мира деля къ Юрьеви, и Юрью приимъ его с любовию; и церковь освяти Богородицю великимъ освященемъ, и Новоторжци выправи вси и гость цельъ всь, и посла съ чстью Новугороду, но мира не дасть" (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 152).

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 347–354.

³ Послание Никифора, митрополита Киевского к великому князю Владимиру, сыну Всеволода, сына Ярослава. Памятники общественной мысли Древней Руси Т. 1: Домонгольский период / сост., автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский. Москва, 2010. С. 303. (далее – ПОМДР)

⁴ Кирилл Туровский, свт. Притча о человеческой душе и теле (о слепце и хромце). ПОМДР. Т. 1... С. 202–212; Воронин Н. Н. Андрей Боголюбский. Москва, 2007. С. 115.

⁵ Баранкова Г. С. Место "Притчи о душе и теле" Кирилла Туровского в кругу его повествовательных и риторических сочинений. *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях*. Санкт-Петербург: К. А. Костромин, 2016. Вып. 6. С. 185–217.

Туровского не возымали желаемого результата, да и едва ли были приняты владимирским князем в расчёт. Во всяком случае, нет никаких известий о том, чтобы Андрей ответил Кириллу.

* * * * *

В представленном очерке были рассмотрены, главным образом, политические конфликты и городские волнения с участием епископата. При том, что высказанные суждения имеют предварительный характер, ситуация вокруг вовлечения архиереев в различного рода внутренние конфликты не видится такой однозначной, какой она предстаёт в оценках большинства исследователей. Являясь экономически зависимыми лицами, не обладая безусловным авторитетом и находясь под контролем городской верхушки и княжеской власти, епископы не были нейтральными сторонами конфликтов. Чаще всего они представляли интересы одной из враждующих групп. К тому же число упоминаний о подобных усилиях со стороны святителей невелико, как невелик и перечень имён этих архипастырей. Всё же вовлечение в конфликт требовало от святителя не только дипломатической мудрости, но и обычной человеческой храбрости, поскольку имело свои риски и несло угрозы для жизни архиерея. К тому же в большинстве случаев присутствие архипастырей в переговорах о примирении противостоящих друг другу сторон следует оценивать не через призму миротворчества, а через призму посредничества. Столь же скромной была и эффективность таких усилий. Опыт митрополита Михаила и близкого к нему епископа Нифонта, проявлявших удивительные упорство и решительность при отстаивании политического мира выглядит не нормой, а исключением из правил. Однако всё перечисленные выводы следует рассматривать как предварительные и нуждающиеся в уточнении.

Література

1. Афанасий Великий, свт. Послания к монаху Амуну. *Афанасий Великий, свт. Творения*: В 4 т. / пер., вступ. ст. А. В. Горского. Москва: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1994. Т. 3. С. 366–370.

2. Баранкова Г. С. Место "Притчи о душе и теле" Кирилла Туровского в кругу его повествовательных и риторических сочинений. *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях*. Санкт-Петербург: К. А. Костромин, 2016. Вып. 6. С. 185–217.

3. Воронин Н. Н. Андрей Боголюбский. Москва: Водолей Publishers, 2007. 320 с.

4. Гайденко П. И. Были ли епископат и духовенство Киевской Руси феодалами? / иером. Пётр (Гайденко). *Православие в судьбе Урала и России: история и современность*: материалы всероссийской научно-практической

конференции. (г. Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г.) / отв. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, изд-во Екатеринбургской епархии, 2010. С. 85–89.

5. Гайденок П. И. Священная иерархия Древней Руси (XI–XIII вв.): Зарисовки власти и повседневности. Москва: Университетская книга, 2014. 212 с.

6. Гайденок П. И., Москалёва Л. А., Фомина Т. Ю. Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. Москва: Университетская книга, 2013. 150 с.

7. Гайденок П. И., Фомина Т. Ю. О правовом положении церковной собственности в домонгольской Руси (историко-правовые этюды). *Клио*. 2011. № 4. С. 38–42.

8. Галимов Т. Р. Место киевского митрополита в церковно-ордынских отношениях: 1237–1281 гг.: дисс. к. и. н. Ижевск, 2017. 230 с.

9. Гололоб Г. А. Пацифизм Тертуллиана – исключение или традиция? URL: <https://christianpacifism.org/2014/12/24/%D0%BF%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%84%D0%B8%D0%B7%D0%BC-%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%82%D1%83%D0%BB%D0%BB%D0%B8%D0%B0%D0%BD%D0%B0-%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%BB%D1%8E%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%B8%D0%BB%D0%B8-3/>, (дата обращения: 07.10. 2018).

10. Кирилл Туровский, свт. Притча о человеческой душе и теле (о слепце и хромце) / сост. автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский. Москва: РОССПЭН, 2010. Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1: Домонгольский период. С. 202–212.

11. Клосс Б. М. Миротворческая роль церкви в XI – начале XV вв. (на материале летописей и житий святых). *Миротворчество в России: Церковь, политики, мыслители. От раннего средневековья до рубежа XIX–XX столетий* / ИРИ РАН; отв. ред. Е. Л. Рудницкая. Москва: Наука, 2003. С. 28–38.

12. Максимович К. А. Церковные новеллы св. императора Юстиниана I (527–565 гг.) в современном русском переводе: Из опыта работы над проектом. *Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия*. 2007. Вып. 17. С. 27–44.

13. Минуций Феликс. Октавий. URL: http://apologia.narod.ru/earlyfat/fath/apol/felix_2.htm, (дата обращения) 07.10.2018.

14. Пантелеев А. Д. Христиане и римская армия во второй половине III в. *Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира*. 2012. № 11. С. 329–350.

15. Петров А. В. От язычества к святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2003. 352 с.

16. Печников М. Новгородский свт. Нифонт, княжеская власть и Киевская митрополия (30–50-е гг. XII в.). *Вестник церковной истории*. 2017. № 3/4 (47/48). С. 237–278.

17. Полное собрание русских летописей. Москва: Языки славянской культуры, 2001. Т. 1: *Лаурентьевская летопись*. 496 с.

18. Полное собрание русских летописей. Москва: Языки славянской культуры, 2001. Т. 2: *Ипатьевская летопись*. 648 с.

19. Полное собрание русских летописей. Москва: Языки славянской культуры, 2000. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвёртая летопись. 728 с.

20. Полное собрание русских летописей. Москва: Языки славянской культуры, 2000. Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. 288 с.

21. Послание Никифора, митрополита Киевского к великому князю Владимиру, сыну Всеволода, сына Ярослава. *Памятники общественной мысли Древней Руси*: Москва: РОССПЭН, 2010. Т. 1: Домонгольский период / сост., автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский. С. 298–304.

22. Преображенский П., прот. О Минуции Феликсе и его сочинении "Октавий". *Преображенский П., прот. Сочинения древних христианских апологетов* / пер. прот. Петра Преображенского. Санкт-Петербург, 1895. С. 49–112.

23. Терновский Ф. А. Участие древле-русских архиереев в делах общественных: В период удельно-вечевой. Киев, 1870. 38 с.

24. Фомина Т. Ю. Туровская епископия: этапы становления и развития (XI–XIII вв.). *Христианское чтение*. 2018. № 2. С. 243–253. 245–246.

25. Фомина Т. Ю., Заляева Г. Ш. К вопросу о периодизации истории новгородской епископии (до начала XIII в.). *Церковь. Богословие. История: материалы III международной научно-богословской конференции, посвященной 130-летию Екатеринбургской епархии и памяти Собора новомучеников и исповедников Церкви Русской / Екатеринбургская митрополия, Екатеринбургская духовная семинария, Миссионерский институт, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Институт гуманитарных наук и искусств, Лаборатория археографических исследований*. Екатеринбург: Изд-во ЕДС, 2015. С. 611–618.

26. Церпицкая О. Л. Международная деятельность Русской Православной Церкви в контексте внешней политики Российской Федерации в условиях глобализации: дисс. ... к. полит. н. Санкт-Петербург, 2003. 198 с.

27. Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. Москва: Языки славянских культур, 2008. 400 с.

28. Cadoux John Cecil. The Early Christian Attitude to War: A Contribution to the History of Christian Ethics, with a Foreword by the W. E. Rev, D. D. Orchard. London: Headly Bros, 1919. Pp. XXXII, 274.

29. Palmer Harold. Christian pacifism and just war theory. Discipleship and the Ethics of War, Violence and the Use of Force. Chicago: Tellerbooks, 2016. Pp. 68.

30. Plaster David R. The Christian and war: a matter of personal conscience. *Grace Theological Journal*. 1985. № 6. 2. P. 435–455.

References

1. Afanasij Velikij, svt. Poslanii k monahu Amunu // Afanasij Velikij, svt. Tvorenija: V 4 t. / per., vstup. st. A. V. Gorskogo. Москва, Spaso-Preobrazhenskij Valaamskij monastyr', 1994. Т. 3. S. 366–370.

2. Barankova G. S. Mesto "Pritchi o dushe i tele" Kirilla Turovskogo v krugu ego povestvovatel'nyh i ritoricheskikh sochinenij // *Drevnyaya Rus'*: vo vremeni, v lichnostyah, v ideyah. SPb.: K. A. Kostromin, 2016. Vyp. 6. S. 185–217.

3. Voronin N. N. Andrej Bogolyubskij. M.: "Vodolej Publishers", 2007. 320 s.

4. Gajdenko P. I. Byli li episkopat i duhovenstvo Kievskoj Rusi feodalami? / ierom. Pyotr (Gajdenko) // *Pravoslavie v sud'be Urala i Rossii: istoriya i*

sovremennost'. Materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. g. Ekaterinburg, 18-20 aprelya 2010 g. / otv. red. V. V. Alekseev. Ekaterinburg: IIA UrO RAN, izd-vo Ekaterinburgskoj eparhii, 2010. S. 85-89.

5. Gajdenko P. I. Svyashchennaya ierarhiya Drevnej Rusi: (XI-XIII vv.): Zarisovki vlasti i povsednevnosti. M.: "Universitetskaya kniga", 2014. 212 s.

6. Gajdenko P.I., Moskalyova L.A., Fomina T.YU. Cerkov' domongol'skoj Rusi: ierarhiya, sluzhenie, nrawy. M.: "Universitetskaya kniga", 2013. 150 s.

7. Gajdenko P. I., Fomina T. YU. O pravovom polozhenii cerkovnoj sobstvennosti v domongol'skoj rusi (istoriko-pravovye ehthyudy) // Klio. 2011. № 4. S. 38-42.

8. Galimov T. R. Mesto kievskogo mitropolita v cerkovno-ordynskih otnosheniyah: 1237–1281 gg.: Diss. k.i.n. Izhevsk, 2017. 230 s.

9. Gololob G. A. Pacifizm Tertulliana – isklyuchenie ili tradiciya? URL: [10. Kirill Turovskij, svt. Pritcha o chelovecheskoj dushe i tele \(o slepce i hromce\) // Pamyatniki obshchestvennoj mysli Drevnej Rusi: T. 1: Domongol'skij period / sost, avtor vstup. st. i komment. I. N. Danilevskij. M.: ROSSPEHN, 2010. S. 202–212.](https://christianpacifism.org/2014/12/24/%D0%BF%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%84%D0%B8%D0%B7%D0%BC-%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%82%D1%83%D0%BB%D0%BB%D0%B8%D0%B0%D0%BD%D0%B0-%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%BB%D1%8E%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%B8%D0%BB%D0%B8-3/, svobodnyj – Provereno 07.10.2018.</p></div><div data-bbox=)

11. Kloss B. M. Mirotvorcheskaya rol' cerkvi v XI – nachale XV vv. (na materiale letopisej i zhitij svyatyh) // Mirotvorchestvo v Rossii: Cerkov', politiki, mysliteli. Ot rannego srednevekov'ya do rubezha XIX-XX stoletij / IRI RAN; otv. red. E. L. Rudnickaya. M.: "Nauka", 2003. S. 28-38.

12. Maksimovich K. A. Cerkovnye novely sv. imperatora YUstiniana I (527–565 gg.) v sovremennom russkom perevode: Iz opyta raboty nad proektom // Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. 2007. Vyp. 17. S. 27–44.

13. Minucij Feliks. Oktavij [EHlektronnyj resurs] // http://apologia.narod.ru/earlyfat/fath/apol/felix_2.htm, svobodnyj – Provereno 07.10.2018.

14. Panteleev A. D. Hristiane i rimskaya armiya vo vtoroj polovine III v. // Mne-mon: Issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira. 2012. № 11. S. 329–350.

15. Petrov A. V. Ot yazychestva k svyatoj Rusi. Novgorodskie usobicy (k izucheniyu drevnerusskogo vechevogo uklada). SPb.: "Izd-vo Olega Abyshko", 2003. 352 s.

16. Pechnikov M. Novgorodskij svt. Nifont, knyazheskaya vlast' i Kievskaya mitropoliya (30-50-e gg. XII v.) // Vestnik cerkovnoj istorii. 2017. № 3/4 (47/48). S. 237–278.

17. Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 1: Lavrent'evskaya letopis'. Moskva, "Yazyki slavyanskoj kul'tury", 2001. 496 s.

18. Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 2: Ipat'evskaya letopis'. M.: "Yazyki slavyanskoj kul'tury", 2001. 648 s.

19. Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 4. CH. 1. Novgorodskaya chetyortaya letopis'. M.: "Yazyki slavyanskoj kul'tury", 2000. 728 s.

20. Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. 9: Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'ju. M.: "Yazyki slavyanskoj kul'tury", 2000. 288 s.
21. Poslanie Nikifora, mitropolita Kievskogo k velikomu knyazyu Vladimiru, synu Vsevoloda, syna YAroslava // Pamyatniki obshchestvennoj mysli Drevnej Rusi: T. 1: Domongol'skij period / sost. avtor vstup. st. i komment. I. N. Danilevskij. M.: ROSSPEHN, 2010. S. 298-304.
22. Preobrazhenskij P., prot. O Minucie Felikse i ego sochinenii "Oktavij" // Preobrazhenskij P., prot. Sochineniya drevnih hristianskikh apoletov / per. prot. Petra Preobrazhenskogo. SPb., 1895. S. 49-112.
23. Ternovskij F. A. Uchastie drevle-russkikh arhiereev v delah obshchestvennyh: V period udel'no-vechevoj. Kiev, 1870. 38 s.
24. Fomina T. YU. Turovskaya episkopiya: ehtapy stanovleniya i razvitiya (XI–XIII vv.) // Hristianskoe chtenie. 2018. № 2. S. 243-253. 245–246.
25. Fomina T. YU., Zalyaeva G. SH. K voprosu o periodizacii istorii novgorodskoj episkopii (do nachala XIII v.) // Cerkov'. Bogoslovie. Istoriya. Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-bogoslovskoj konferencii, posvyashchennoj 130-letiyu Ekaterinburgskoj eparhii i pamyati Sobora novomuchenikov i ispovednikov Cerkvi Russkoj. Ekaterinburgskaya mitropoliya, Ekaterinburgskaya duhovnaya seminariya Missionerskij institut Ural'skij federal'nyj universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'cina, Institut gumanitarnykh nauk i iskusstv Laboratoriya arheograficheskikh issledovanij. 2015. Ekaterinburg: Izd-vo EDS, 2015. S. 611-618.
26. Cerpickaya O. L. Mezhdunarodnaya deyatel'nost' Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v kontekste vneshnej politiki Rossijskoj Federacii v usloviyah globalizacii: Diss. k. polit. n. SPb., 2003 198 s.
27. Yanin V. L. Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda. M.: "Yazyki slavyanskikh kul'tur", 2008. 400 s.

П. І. Гайденко

доктор історичних наук, голова редакційної ради журналу
"Давня Русь: в часі, в особах, в ідеях"

Миротворчість єпископату у внутрішньокнязівських і політичних конфліктах Русі: християнське примирення сторін чи відстоювання інтересів?

Участь давньоруських архієреїв у різних міжкнязівських і внутрішньоміських конфліктах неодноразово привертала увагу дослідників. Однак при цьому діяльність і зусилля давньоруських архієреїв ідеалізована. Причини цього можна знайти в невіпрованому узагальненні нечисленних повідомлень джерел про долю архієпископів в примиренні конфліктуючих сторін. У статті зроблено спробу зрозуміти причини край рідкісної згадки джерел про притягнення єпископату до переговорів між протилежними сторонами.

Ключові слова: Київська Русь, домонгольська Русь, Давня Русь, церковно-державні відносини, давньоруський єпископат, миротворчість давньоруського єпископату, міжкнязівські конфлікти, міські повстання в Київській Русі.

P. I. Gaidenko

Doctor of History, Chairman of the Editorial Board "Ancient Russia: in time, in personalities, in ideas"

Peacekeeping episcopacy in intra-political and political conflicts of Russia: Christian reconciliation of the parties or defending interests?

The participation of ancient Russian bishops in various inter-princely and intra-urban conflicts repeatedly attracted the attention of researchers. However, the activities and efforts of the Old Russian bishops were idealized. The reasons for this can be found in the unjustified generalization of the few reports of sources about the fate of the archpastors in reconciling the conflicting parties. In the present article, an attempt was made to understand the reasons for the extremely rare mention of sources about the involvement of the episcopate in negotiations between the warring parties.

Key words: *Kievan Rus, Pre-Mongolian Rus, Ancient Russia, church-state relations, Old Russian episcopate, peacemaking of Old Russian episcopate, inter-principled conflicts, urban uprisings in Kievan Rus.*